

63.3(2)5
Л80
СА-405933

Юрий Лотман

Беседы о русской культуре

Быт и традиции
русского дворянства
(XVIII — начало XIX века)

Юрий Лотман

Беседы о русской культуре

Быт и традиции
русского дворянства
(XVIII – начало XIX века)

Государственное бюджетное
учреждение культуры
«Оренбургская областная универсальная
научная библиотека им. Н.К. Крупской»

Электронные версии книг на сайте
www.prospekt.org

• ПРОСПЕКТ •

Москва
2024

ca-405933

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Введение.</i>	Быт и культура	4
<i>Часть первая.</i>	Люди и чины	20
	Женский мир	63
	Женское образование в XVIII — начале XIX века	106
<i>Часть вторая.</i>	Бал	125
	Сватовство. Брак. Развод	145
	Русский дендизм	176
	Дуэль	233
	Искусство жизни	256
	Итог пути	304
<i>Часть третья.</i>	«Птенцы гнезда Петрова»	334
	Иван Иванович Неплюев — апологет реформы	335
	Михаил Петрович Аврамов — критик реформы	352
	Век богатырей	368
	А. Н. Радищев	374
	А. В. Суворов	390
	Две женщины	418
	Люди 1812 года	457
	Декабрист в повседневной жизни	485
<i>Вместо заключения.</i>	«Между двойною бездной...»	564

Введение

БЫТ И КУЛЬТУРА

Посвятив беседы русскому быту и культуре XVIII — начала XIX столетия, мы прежде всего должны определить значение понятий «быт», «культура», «русская культура XVIII — начала XIX столетия» и их отношения между собой. При этом оговоримся, что понятие «культура», принадлежащее к наиболее фундаментальным в цикле наук о человеке, само может стать предметом отдельной монографии и неоднократно им становилось. Было бы странно, если бы мы в предлагаемой книге задалась целью решать спорные вопросы, связанные с этим понятием. Оно очень емкое: включает в себя и нравственность, и весь круг идей, и творчество человека, и многое другое. Для нас будет вполне достаточно ограничиться той стороной понятия «культура», которая необходима для освещения нашей, сравнительно узкой темы.

Культура, прежде всего, *понятие коллективное*. Отдельный человек может быть носителем культуры, может активно участвовать в ее развитии, тем не менее по своей природе культура, как и язык, — явление общественное, то есть социальное*.

Следовательно, культура есть нечто общее для какого-либо коллектива — группы людей, живущих одновременно и связанных определенной социальной организацией. Из этого вытекает, что культура

* В отдельных позициях, всегда являющихся исключением из правила, можно говорить о культуре одного человека. Но тогда следует уточнить, что мы имеем дело с коллективом, состоящим из одной личности. Уже то, что эта личность неизбежно будет пользоваться языком, выступая одновременно как говорящий и слушающий, ставит ее в позицию коллектива. Так, например, романтики часто говорили о предельной индивидуальности своей культуры, о том, что в создаваемых ими текстах сам автор является в идеале единственным своим слушателем (читателем). Однако и в этой ситуации роли говорящего и слушающего, связывающий их язык не уничтожаются, а как бы переносятся внутрь отдельной личности: «В уме своем я создал мир иной // И образов иных существовань» (Лермонтов М. Ю. Соч.: в 6 т. М.; Л., 1954. Т. I. С. 34).

Цитаты приводятся по изданиям, имеющимся в библиотеке автора, с сохранением орфографии и пунктуации источника.

есть форма общения между людьми и возможна лишь в такой группе, в которой люди общаются (организационная структура, объединяющая людей, живущих в одно время, называется *синхронной*, и мы в дальнейшем будем пользоваться этим понятием при определении ряда сторон интересующего нас явления).

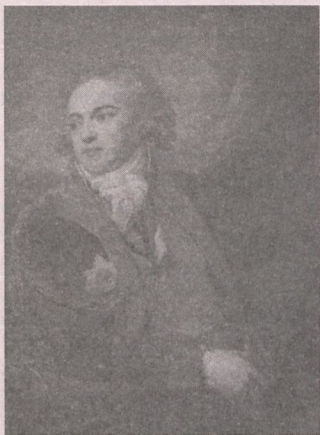
Всякая структура, обслуживающая сферу социального общения, есть язык. Это означает, что она образует определенную систему знаков, употребляемых в соответствии с известными членам данного коллектива правилами. Знаками же мы называем любое материальное выражение (слова, рисунки, вещи и т. д.), которое *имеет значение* и, таким образом, может служить средством *передачи смысла*.

Следовательно, культура имеет, во-первых, коммуникационную и, во-вторых, символическую природу. Остановимся на этой последней. Подумаем о таком простом и привычном, как хлеб. Хлеб веществен и зрим. Он имеет вес, форму, его можно разрезать, съесть. Съеденный хлеб вступает в физиологический контакт с человеком. В этой его функции про него нельзя спросить: что он означает? Он имеет употребление, а не значение. Но когда мы произносим: «Хлеб наш насущный даждь нам днесь», — слово «хлеб» означает не просто хлеб как вещь, а имеет более широкое значение: «пища, потребная для жизни». А когда в Евангелии от Иоанна читаем слова Христа: «Я есмь хлеб жизни; приходящий ко Мне не будет алкать» (Иоанн, 6:35), то перед нами — сложное символическое значение и самого предмета, и обозначающего его слова.

Меч также не более чем предмет. Как вещь он может быть выкован или сломан, его можно поместить в витрину музея, и им можно убить человека. Это все — употребление его как предмета, но когда, будучи прикреплен к поясу или поддерживаемый перевязью помещен на бедре, меч символизирует свободного человека и является «знаком свободы», он уже предстает как символ и принадлежит культуре.

В XVIII веке русский и европейский дворянин не носит меча — на боку его висит шпага (иногда крошечная, почти игрушечная парадная шпага, которая оружием практически не является). В этом случае шпага — символ символа: она означает меч, а меч означает принадлежность к привилегированному сословию.

Принадлежность к дворянству означает и обязательность определенных правил поведения, принципов чести, даже покроя одежды.

И.-Б. Лампи-старший.
Портрет дворянина С.С. Апраксина.
1793 г.

Мы знаем случаи, когда «ношение неприличной дворянину одежды» (то есть крестьянского платья) или также «неприличной дворянину» бороды делалось предметом тревоги политической полиции и самого императора.

Шпага как оружие, шпага как часть одежды, шпага как символ, знак дворянства — все это различные функции предмета в общем контексте культуры.

В разных своих воплощениях символ может одновременно быть оружием, пригодным для прямого практического употребления, или полностью отделяться от непосредственной функции. Так, например, маленькая, специально предназначенная для парадов шпага исключала практическое применение, фактически являясь изображением оружия, а не оружием. Сфера парада отделялась от сферы боя эмоциями, языком жеста и функциями. Вспомним слова Чацкого: «Пойду на смерть как на парад». Вместе с тем в «Войне и мире» Толстого мы встречаем в описании боя офицера, ведущего своих солдат в сражение с парадной (то есть бесполезной) шпагой в руках. Сама биполярная ситуация «бой — игра в бой» создавала сложные отношения между оружием как символом и оружием как реальностью. Так шпага (меч) оказывается вплетенной в систему символического языка эпохи и становится фактом ее культуры.

А вот еще один пример, в Библии (Книга Судей, 7:13–14) читаем: «Гедеон пришел [и слышит]. И вот, один рассказывает другому сон, и говорит: снилось мне, будто круглый ячменный хлеб катился по стану Мадиямскому и, прикатившись к шатру, ударил в него так, что он упал, опрокинул его, и шатер распался. Другой сказал в ответ ему: это не иное что, как меч Гедеона...» Здесь хлеб означает меч, а меч — победу. И поскольку победа была одержана с криком «Меч Господа и Гедеона!», без единого удара (мадиамитяне сами побили друг друга: «обратил

Господь меч одного на другого во всем стане»), то меч здесь — знак силы Господа, а не военной победы.

Итак, область культуры — всегда область символизма.

Приведем еще один пример: в наиболее ранних вариантах древнерусского законодательства («Русская правда») характер возмещения («виры»), которое нападающий должен был заплатить пострадавшему, пропорционален материальному ущербу (характеру и размеру раны), им понесенному. Однако в дальнейшем юридические нормы развиваются, казалось

Неизвестный иконописец. Гедеон. XVIII в.

бы, в неожиданном направлении: рана, даже тяжелая, если она нанесена острой частью меча, влечет за собой меньшую виру, чем не столь опасные удары необнаженным оружием или рукояткой меча, чашей на пиру или «тылсеной» (тыльной) стороной кулака.

Как объяснить этот, с нашей точки зрения, парадокс? Происходит формирование морали воинского сословия, и вырабатывается понятие чести. Рана, нанесенная острой (боевой) частью холодного оружия, болезненна, но не бесчестит. Более того, она даже почетна, поскольку бьются только с равным. Не случайно в быту западноевропейского рыцарства посвящение, то есть превращение «низшего» в «высшего», требовало реального, а впоследствии знакового удара мечом. Тот, кто признавался достойным раны (позже — знакового удара), одновременно признавался и социально равным. Удар же необнаженным мечом, рукояткой, палкой — вообще *не оружием* — бесчестит, поскольку так бьют раба.

Характерно тонкое различие, которое делается между «честным» ударом кулаком и «бесчестным» — тыльной стороной кисти или кулака. Здесь наблюдается обратная зависимость между реальным ущербом и степенью знаковости. Сравним замену в рыцарском (потом и в дуэльном) быту реальной пощечины символическим жестом бросания перчатки, а также вообще приравнивание при вызове на дуэль оскорбительного жеста к оскорблению действием.

Э. Лейтон. Акколада. 1901 г.

Таким образом, текст поздних редакций «Русской правды» отразил изменения, смысл которых можно определить так: защита (в первую очередь) от материального, телесного ущерба сменяется защитой от оскорбления. Материальный ущерб, как и материальный достаток, как вообще вещи в их практической ценности и функции, принадлежит области практической жизни, а оскорбление, честь, защита от унижения, чувство собственного достоинства, вежливость (уважение чужого достоинства) принадлежат сфере культуры.

Секс относится к физиологической стороне практической жизни; все переживания любви,

связанная с ними выработанная веками символика, условные ритуалы — все то, что А. П. Чехов называл «облагораживанием полового чувства», принадлежит культуре. Поэтому так называемая «сексуальная революция», подкупающая устранением «предрассудков» и, казалось бы, «ненужных» сложностей на пути одного из важнейших влечений человека, на самом деле явилась одним из мощных таранов, которыми антикультура XX столетия ударила по вековому зданию культуры.

Мы употребили выражение «вековое здание культуры». Оно не случайно. Мы говорили о синхронной организации культуры. Но сразу же надо подчеркнуть, что культура всегда подразумевает сохранение предшествующего опыта. Более того, одно из важнейших определений

Часть первая

Люди и чины

Исследуемая нами эпоха — век перелома. Это хорошо видно и в истории дворянства. Русское дворянство, каким мы его встречаем в XVIII — первой половине XIX века, было порождением петровской реформы. Среди разнообразных последствий реформ Петра I создание дворянства в функции государственно и культурно доминирующего сословия занимает не последнее место. Материалом, из которого это сословие составилось, было допетровское дворянство Московской Руси.

Дворянство Московской Руси представляло собой «служилый класс», то есть состояло из профессиональных слуг государства, главным образом военных. Их ратный труд оплачивался тем, что за службу их «помещали» на землю, иначе — «верстали» деревнями

и крестьянами. Но ни то ни другое не было их личной и наследственной собственностью. Перебивая служить, дворянин должен был вернуть пожалованные ему земли в казну. Если он «уходил за ранами или увечьем», в службу должен был пойти его сын или муж дочери; если он оказывался убит, вдова через определенный срок должна была выйти замуж за человека, способного «тянуть службу», или поставить сына. Земля должна была служить. Правда, за особые заслуги ее могли пожаловать в наследственное владение, и тогда «воинник» становился «вотчинником».

А. де Брейн. Московский дворянин. XVI в.

Между «воинником» и «вотчинником» существовало глубокое не только социальное, но и психологическое различие. Для вотчинника война, боевая служба государству была чрезвычайным и далеко не желательным происшествием, для воинника — повседневной службой. Вотчинник-боярин служил великому князю и мог погибнуть на этой службе, но великий князь не был для него богом. Привязанность к земле, к Руси была для него еще окрашена местным патриотизмом, памятью о службе, которую нес его род, и о чести, которой он пользовался. Патриотизм воинника-дворянина был тесно связан с личной преданностью государю и имел государственный характер. В глазах боярина дворянин был наемником, человеком без рода и племени и опасным соперником у государева престола. Боярин в глазах дворянина — ленивец, уклоняющийся от государственной службы, лукавый слуга, всегда втайне готовый к крамоле. Этот взгляд начиная с XVI века разделяют московские великие князья и цари. Но особенно интересно, что, судя по данным фольклора, он близок и крестьянской массе.

Петровская реформа, при всех издержках, которые накладывали на нее характер эпохи и личность царя, решила национальные задачи, создав государственность, обеспечившую России двухсотлетнее существование в ряду главных европейских держав и создав одну из самых ярких культур в истории человеческой цивилизации. И если нынешние критики Петра порой утверждают, что судьбы России сложились бы более счастливо без этой государственности, то вряд ли найдется человек, который хотел бы представить себе русскую историю без Пушкина и Достоевского, Толстого и Тютчева, без Московского университета и Царскосельского лицея.

Еще в XVII веке началось стирание различий между поместьем и вотчиной, а указ царя Федора Алексеевича (1682), возвестивший уничтожение местничества, показал, что господствующей силой в вызревавшем государственном порядке будет дворянство. Вряд ли стоит повторять общеизвестные истины о социальном эгоизме этого нового господствующего сословия и предаваться запоздалому обличению крепостного права. Недобрая память, оставленная им в русской истории, слишком очевидна. Однако, отрицая историческую роль русского дворянства, мы рискуем впасть в крайность.

Деятели Петровской эпохи любили подчеркивать общенародный смысл осуществляемых в тяжких трудах реформ. В речи, посвященной Ништадтскому миру, Петр сказал, что «надлежит трудитца о пользе

ЖЕНСКИЙ МИР

Мы уже говорили о том, как менялся, развивался и складывался нравственный облик человека XVIII — начала XIX века. Но при этом, хотя мы все время говорили «человек», речь шла о мужчинах. Между тем женщина этой поры не только была включена, подобно мужчине, в поток бурно изменяющейся жизни, но начинала играть в ней все большую и большую роль. И женщина очень менялась.

Характер женщины весьма своеобразно соотносится с культурой эпохи. С одной стороны, женщина с ее напряженной эмоциональностью, живо и непосредственно впитывает особенности своего времени, в значительной мере обгоняя его. В этом смысле характер женщины можно назвать одним из самых чутких барометров общественной жизни. С другой стороны, женский характер парадоксально реализует и прямо противоположные свойства. Женщина — жена и мать — в наибольшей степени связана с надысторическими свойствами человека, с тем, что глубже и шире отпечатков эпохи. Поэтому влияние женщины на облик эпохи в принципе противоречиво, гибко и динамично. Гибкость проявляется в разнообразии связей женского характера с эпохой.

Женское влияние редко рассматривается как самостоятельная историческая проблема. Если, говоря о XVIII — начале XIX века, историк нарисует образ Салтычихи, то, скорее всего, с целью охарактеризовать крепостнические нравы. То, что речь идет о женщине, выступит как случайность исторического процесса. Если же вопрос этот все-таки возникнет, то, как правило, исследователь исчерпает его общими замечаниями о неразвитости (малоразвитости) женщин в тот или иной удаленный от нас период, иногда упомянет о редких исключениях из этого правила.

Нас же будут интересовать как те особенности, которые эпоха накладывала на женский характер, так и те, которые женский характер придавал эпохе.

П. В. Курдюмов. Помещица Дарья Николаевна Салтыкова по прозвищу «Салтычиха» истязает крестьян. 1910 г.

Разумеется, женский мир сильно отличался от мужского. Прежде всего, тем, что он был выключен из сферы государственной службы. Женщины не служили, чинов не имели, хотя государство стремилось распространить чиновничий принцип и на них. В Табели о рангах было специально и подробно оговорено, что женщины имеют права, связанные с чином их отцов (до замужества) и мужей (в браке): «Насопротив того имеют все девицы, которых отцы в 1 ранге, пока они замуж не выданы, ранг получить над всеми женами, которые в 5 ранге обретаются, а именно, ниже Генерал-майора, а выше Бригадира, и девицы, которых отцы во 2 ранге, над женами, которые в 6 ранге, то есть ниже Бригадира, а выше Полковника; а девицы, которых отцы в 3 ранге, над женами 7 ранга, то есть ниже Полковника, а выше Подполковника, и проч.»*. Позже эти бюрократические ранги все более разрастались. При Анне и при Елизавете было установлено, дамы какого класса имеют право носить золотое шитье на платьях, а какого — серебряное, какова должна быть ширина кружев и т. д. Появилось выражение

* Памятники русского права. Вып. 8. Законодательные акты Петра I. С. 186.

«дама такого-то класса». Позже Вяземский записал в дневнике слова иностранца, который с изумлением говорил, что в Петербурге на Васильевском острове на Седьмой линии он любил даму XII класса.

Итак, чин женщины, если она не была придворной, определялся чином ее мужа или отца. В документах эпохи мы встречаем слова: «полковница», «статская советница», «тайная советница». Однако слова эти определяют не независимое положение самой женщины, а положение ее мужа (для девушки — отца). В комедии Д. Фонвизина «Бригадир» Бригадирша и Советница — это, соответственно, жены Бригадира и Советника.

В одном рассказе Н. Лескова говорится о привычке некоего иерарха играть со своими подчиненными, заставляя их отвечать ему стихами — «в рифму». Однажды во время прогулки он произнес:

Чертоги зрю монарши.

Спутник его ответил в рифму:

Погиб Фома от секретарши.

Современному читателю естественно понять слово «секретарша» как указание на должность или место службы женщины. Однако такое толкование в конце XVIII — начале XIX века было бы совершенно невозможным. Речь идет о жене секретаря.

Подобная исключенность женщины из мира службы не лишала ее значительности. Напротив, роль женщины в дворянском быту и культуре в течение рассматриваемых лет становится все заметнее. Женщина не могла выполнять чисто мужских ролей, связанных со службой и государственной деятельностью. Но тем большее значение в общем ходе жизни получало то, что культура полностью передавала в руки женщин.

Впрочем, не следует думать, что в России не было случаев, когда женщина отвоевывала себе право на чисто мужские амплуа. Знаменитая Надежда Дурова, «кавалерист-девица», сначала завоевала себе право на биографию боевого офицера, затем, во второй раз, — «мужское» право на биографию писателя. Третьей ее победой — уже в 1830-х годах — было право ходить в мужской одежде. Пример Ду-

* Только в придворной службе женщины сами имели чины. В Табели о рангах находим: «Дамы и девицы при дворе, действительно в чинах обретающиеся, имеют следующие ранги...» (Памятники русского права. Вып. 8. С. 186) — далее следовало их перечисление.

ЖЕНСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В XVIII — НАЧАЛЕ XIX ВЕКА

Вопрос о месте женщины в обществе неизменно связывался с отношением к ее образованию. Петровская государственность, пронизанная духом учения, государство, царь которого писал: «Аз есмь в чину учимых и учащих меня требую», естественно, столкнулись и с вопросами женского образования.

Знание традиционно считалось привилегией мужчин — образование женщины обернулось проблемой ее места в обществе, созданном мужчинами.

Не только государственность, но и общественная жизнь строились как бы для мужчин: женщина, которая претендовала на серьезное положение в сфере культуры, тем самым присваивала себе часть «мужских ролей». Фактически весь век был отмечен борьбой женщины за то, чтобы, завоевав право на место в культуре, не потерять права быть женщиной.

На первых порах инициатором приобщения женщины к просвещению стало государство.

Еще с начала века, в царствование Петра I, столь важный в женской жизни вопрос, как замужество, неожиданно связался с образованием. Петр специальным указом предписал неграмотных дворянских девушек, которые не могут подписать хотя бы свою фамилию, — не венчать. Так возникает, хотя пока что и в исключительно своеобразной форме, проблема женского образования.

Мы уже говорили, что не следует думать, будто до Петра женщины в России были неграмотными. Когда при раскопках в Новгороде были извлечены из земли берестяные грамоты — нацарапанные на бересте записочки XII, XIII, XIV веков, — то стало ясно: эти записки (а многие из них писались женщинами или им адресовались) пред-

назначались не для боярыни или монастырской игуменьи. Содержание их бытовое, отражающее повседневную жизнь обычной семьи: крестьянской, купеческой. Нет никаких сомнений, что среди новгородских женщин было немало грамотных.

Однако в начале XVIII века вопрос грамотности был поставлен совершенно по-новому. И очень остро. Необходимость женского образования и характер его стали предметом споров и связались с общим пересмотром типа жизни, типа быта.

Отношение самой женщины к грамоте, книге, образованию было еще очень напряженным. Так, известный мемуарист Андрей Болотов вспоминал о том, как одна невеста отказала ему, потому что он читал много книг и про него поэтому «пустили разговор», что он — колдун. Тогда Болотов принялся искать себе невесту с помощью свахи и выразил желание, чтобы его будущая жена была грамотной. Сваха, расхваливая невесту, ответила: «Вот — и читать, и писать может, а коли мать прикажет, так и книги читает».

Д. Фонвизин специально вводит в комедию «Недоросль» злободневную дискуссию о женском образовании и воспитании. Стародум застаёт Софью за чтением книги, автор которой — популярный в русских просветительских кругах французский писатель Фенелон. Это вызывает его сочувственную реплику: «...читай ее, читай. Кто написал "Телемака" (то есть Фенелон. — Ю. Л.), тот пером своим нравов развращать не станет». В этой же комедии Простакова возмущается: Софья получила письмо и сама может его прочесть! Для Простаковой это — падение нравов: «Вот до чего дожили. К девушкам письма пишут! Девушки грамоте умеют!» Между тем почти за двадцать лет до того, как Фонвизин написал свою комедию, поэт А. Сумароков в сатирическом стихотворении «Другой хор ко превратному свету» нарисовал прекрасный образ совсем иного, чем в России, мира:

Г. С. Муסיкийский. Миниатюра: Петр I с женой и детьми. 1717 г.

ИСКУССТВО ЖИЗНИ

Искусство и действительность — два противоположных полюса. Границы пространства человеческой деятельности.

В пределах этого пространства и разворачивается все разнообразие поступков человека. Хотя объективно искусство всегда тем или иным способом отражает явления жизни, переводя их на свой язык, сознательная установка автора и аудитории в этом вопросе может быть троякой.

Во-первых, искусство и внехудожественная реальность рассматриваются как области, разница между которыми столь велика и принципиально непреодолима, что самое сопоставление их исключается. Так, например, до последней войны в Екатерининском царскосельском дворце хранился портрет императрицы Елизаветы (кисти Каравака)*, в котором лицо, выполненное с сохранением портретного сходства, было соединено с обнаженным телом Венеры. Для художественного сознания более поздних эпох такое полотно должно было казаться неприличным, а учитывая социальный статус изображенной на нем особы, — и прямо дерзким. Однако зрители XVIII века смо-

Л. Каравак. Портрет царевны Елизаветы Петровны. 1710-е гг.

* С признательностью и благодарностью вспоминаю В. М. Глинку, давшего мне ценные консультации.

трели на картину иначе. Им и в голову не могло прийти увидеть в обнаженном женском теле изображение реального тела Елизаветы Петровны. Они видели в картине соединение текстов с двумя различными мерами условности: лицо было портретно и, следовательно, отнесено к определенной внешней реальности как ее изображение; тело же вписывалось в нормы аллегорической живописи, которая оперировала эмблемами, являющимися знаками предметов, а не их изображениями. Как

М.И. Козловский. Памятник А.В. Суворову. 1801 г.

лицо Екатерины II и орел у ее ног на известной картине Д. Левицкого дают различную меру условности (лицо изображает лицо, а орел изображает власть), так и лицо и тело на портрете Елизаветы по-разному соотносились с миром внехудожественной реальности. На известном памятнике Суворову в Петербурге (М. Козловский) элементы портретного сходства в изображении лица, пусть даже идеализированного, сочетаются с совершенной условностью античной трактовки фигуры. Стилистический контраст при этом не сглаживается, а демонстративно подчеркивается. Г. Державин перенес этот принцип контрастного соединения в поэтический портрет Суворова:

*Кто перед ратью будет пылая
Ездить на кляче, есть сухари...*

«Снигирь»

Портретность и условность здесь соединяются в подчеркнуто контрастное целое.

ИТОГ ПУТИ

Смерть выводит личность из пространства, отведенного для жизни: из области исторического и социального личность переходит в сферы вечного и неизменного.

Тем не менее мы связываем переживание смерти со своеобразием той или иной культуры, ведь образ смерти, мысли о ней сопровождают человека и на всем протяжении его жизни, и на всех этапах истории. Идея смерти намного обгоняет самую смерть. Она становится как бы зеркалом жизни, с той только поправкой, что отражение здесь не пассивно: каждая культура по-своему отражается в созданной ею концепции смерти, а смерть бросает свое злое или героическое отражение на каждую культуру.

Своеобразие XVIII века, быть может, нигде не проявилось с такой силой, как в переживании смерти. Традиционные, унаследованные от отцов православно-христианские представления хотя и прочно сохранились в основной массе дворянства, но испытывали сильное воздействие деистических и скептических идей Просвещения, которые проникали в быт и каждодневное поведение людей.

При всем обилии философско-религиозных идей и концепций, которые сменяли друг друга в головах людей XVIII — начала XIX века, отчетливо выступает одна их общая черта: все страсти, помыслы и желания сосредоточены на земной жизни. Даже размышления о неизбежности смерти вызвали страстную устремленность к удовольствиям жизни:

*Жизнь есть небес мгновенный дар;
Устрой ее себе к покою.*

Г. Державин «На смерть князя Мещерского»

Смерть была моментом, в котором пересекались христианские представления о бессмертии души и восходившие к античности,

воспринятые государственной этикой идеи посмертной славы. Поразительный пример этому — эпизод смерти С. Н. Марина. Марин — известный поэт-сатирик, остро слов и выдумщик разнообразных гвардейских проказ — был одновременно видным военным деятелем, участником всех наполеоновских войн. Многократно раненный, он выполнял в 1812 году ответственные поручения при действующей армии. Уволенный от службы по ранениям, он по инициативе Багратиона был 19 августа 1812 года представлен

О. А. Кипренский. Портрет С. Н. Марина.
1811–1812 гг.

к ордену Владимира 3-й степени. Награда не успела. Марин от ран скончался и был отмечен следующим приказом: «По случаю кончины Марина остается без движения». Потрясает выход в типично римско-языческом стиле, который нашел в этом случае Александр I: он приказал Оресту Кипренскому нарисовать портрет Марина с орденом на шее. Не случайно тема посмертной славы в поэзии вызывала античные (языческие), а не христианские ассоциации. Так, весь цикл «памятников» — Ломоносова, Державина, Пушкина — представлял собой открытую вариацию традиции Горация. Еще более показательно в этом отношении стихотворение Державина «Лебедь», где откровенно античный образ поэта-лебедя воплощает даруемую поэтической славой победу над смертью. Кстати, тема не славного родом, но избранного богами поэта — прямая отсылка к горацианской традиции:

*Да, так! Хоть родом я не славен,
Но, будучи любимец муз,
Другим вельможам я не равен,
И самой смерти предпочтусь.
Не заключит меня гробница,
Средь звезд не превращусь я в прах;
Но, будто некая цевница,
С небес раздамся в голосах.
И се уж кожа, зрю, перната*

А. Н. РАДИЩЕВ

Александр Николаевич Радищев — одна из самых загадочных фигур в русской истории. О нем написано много. И тем не менее недоуменных вопросов его жизнь и личность возбуждают гораздо больше, чем дают нам удовлетворительных ответов. Заметно стремление декабристов не связывать свои идеи с его именем и традицией. Пушкин, который на протяжении всей своей жизни так или иначе обращался к имени Радищева, исчерпал всю гамму оценок, увенчав их в черновом автографе «Памятника» словами: «...в след Радищеву восславил я свободу» (III (2), 1034). Восторженные отзывы Герцена столь же естественны, как и раздраженные реплики Достоевского. В дальнейшем имя Радищева начало часто упоминаться, а после того как в годы первой русской революции запрет с его имени был снят, сделалось обязательным в работах по русской литературе и истории. Академическое трехтомное издание Полного собрания сочинений, несмотря на уродливую безграмотность третьего тома, обезображенного после ареста Г. А. Гуковского неквалифицированной рукой Д. С. Бабкина, сделало наследие Радищева доступным для научного изучения. С тех пор работы о нем исчисляются сотнями. Однако нас интересует не то, что, как правило, привлекало авторов этих трудов, — не сочинения Радищева и не отвлеченные философские воззрения. Наше внимание обращено на личность Радищева, на то, как в его характере и поведении отразилась культура эпохи.

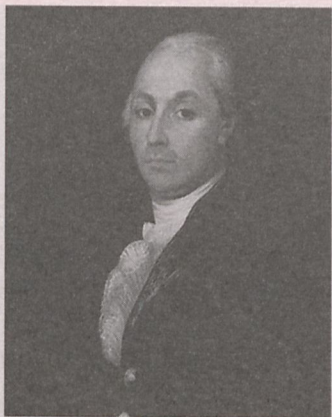
Пушкин в статье, написанной в 1836 году и до сих пор вызывающей у нас достаточное число вопросов, отметил, что в Радищеве от-

* Так, например, в издании его юридических сочинений И. Душечкиной были обнаружены сотни текстологических ошибок на нескольких десятках страниц; поскольку некоторые страницы издания дают фототипическое воспроизведение рукописей, любопытный читатель, сопоставляя их с тут же приведенными печатными страницами, может обнаружить пропуски целых строк и другие плоды безответственности и невежества.

разилась его эпоха, и вместе с тем дал ему безжалостную характеристику: «В Радищеве отразилась вся французская философия его века: скептицизм Вольтера, филантропия Руссо, политический цинизм Дидроta и Реналя; но все в нескладном, искаженном виде, как все предметы криво отражаются в кривом зеркале. Он есть истинный представитель полупросвещения» (XII, 36). Слова Пушкина несправедливы и полемически раздражительны, но в них есть одна истина: Пушкин назвал широкий круг разнородных источников, влияние которых на Радищева убе-

дительно доказывается. Однако пушкинский список можно было бы значительно расширить, введя туда и немецких философов, и масонских теоретиков, и итальянского юриста Беккариа, и многие десятки других имен. Радищев обладал обширнейшими сведениями в юриспруденции, в географии, геологии, истории. В сибирской ссылке он прививал оспу жителям — в ту пору это была не просто медицинская новинка, а своеобразное поприще, на котором сражались просвещение и невежество. Екатерина сделала прививку наследнику Александру Павловичу в Царском Селе, а Радищев прививал оспу в далекой и полудикой Сибири.

Если бы надо было характеризовать Радищева одним словом, то лучше всего подошло бы определение «энциклопедист». Термин «энциклопедист» в XVIII веке отнюдь не покрывался понятием о всесторонне образованном человеке. Энциклопедист — это, прежде всего, человек, охватывающий своими знаниями все области науки в их единстве. Этим он противостоит средневековому ученому, который принципиально отбрасывал от себя практическую сферу: ремесла, технику, промышленность. Одновременно энциклопедист соединяет науку не только с практикой, но и с социологией и политикой. Для него нет отвлеченных знаний. Наука и культура — всегда формы деятельности. Так, например, Радищев не просто постоянно увеличивает

Неизвестный художник.

Портрет А. Н. Радищева. Около 1790 г.

Конец ознакомительного фрагмента

Уважаемый читатель!

Размещение полного текста данного
произведения невозможно в связи с ограничениями
по IV части ГР РФ.

Эту книгу вы можете почитать в Оренбургской
областной универсальной научной библиотеке
им. Н. К. Крупской по адресу: г. Оренбург,
ул. Советская, 20; тел. для справок: (3532) 32-32-49